Нас будет трое

Автор:
Амелия Борн

Нас будет трое

Амелия Борн

«Нас будет трое», – слова, которые мечтала преподнести, как подарок, своему мужу в день его рождения, когда после длительных попыток мне наконец удалось забеременеть. А в итоге услышала эту самую фразу от него. Когда он привел в наш дом своего внебрачного сына – результат измены, о которой я и не подозревала…

Амелия Борн

Нас будет трое

Глава 1

В узком, темном пространстве тоннеля почти нечем дышать. Я жадно хватаю воздух ртом, а в легких стоит такая боль, что кажется – еще немного и они попросту разорвутся. Знаю – жизненно необходимо остановиться, перевести дыхание хоть немного…

Но я не могу. Потому что сознаю: каждая миллисекунда промедления может стоить мне самого дорогого.

И я бегу. Хрипя, задыхаясь, почти умирая. Ноги мучительно ноют. В обнаженные ступни впиваются мелкие камушки и мусор, но эта боль – меньшая из зол сейчас.

Мышцы сводит. Все чувства сплелись в один кошмарный клубок боли. Кажется, она такая сильная, что я даже не понимаю, как тело вообще способно выносить эту пытку…

Спотыкаюсь. Следующий вдох застревает в горле, не достигая легких. Этот момент – единственный, когда способна услышать что-то еще, помимо своего надсадного, надрывного дыхания…

В последнюю секунду перед кажущимся неизбежным падением все же удается схватиться за стену. Рука погружается во что-то рыхлое, вязкое, теплое… Но это тепло почему-то не внушает покоя – оно вызывает омерзение…

Взгляд панически устремляется к руке. Я испуганно отдергиваю ее, видя – мои пальцы в какой-то мерзкой, отталкивающей своим запахом и видом слизи…

Хочется закричать. Я открываю рот, но оттуда не вылетает ни звука. Замерев, словно парализованная, напряженно вслушиваюсь в окружающие меня шумы…

Недалеко капает вода. Мучительно медленно, с гадким, хлюпающим звуком. Слышится глухой рев проезжающих где-то надо мной машин. Но громче всего – шаги. Снова эти чертовы шаги!

Я срываюсь с места. Не понимая ни где я, ни куда и от кого бегу. В сознании бьется лишь одна мысль: быстрее, быстрее, быстрее! Меня не должны поймать!

От затхлого, противного воздуха, который вынуждена вбирать в себя в поисках спасения, в горле встает тошнота. Но страх сильнее. Страх не за себя – а за то, что я должна сохранить любой ценой…

Стены тоннеля, по которому я бегу, однообразны и бесконечны. Я не понимаю ни где начало его, ни где конец. Не понимаю, как выбраться…

Через некоторое время я рискую обернуться в поисках своего преследователя. Близко ли он? Успела ли я оторваться?

Но то, что вижу позади себя, куда страшнее того, что ожидала. За мной красной лентой тянется кровавый след, он уходит прямо под мою длинную белую юбку,

подол которой тоже окрасился в багряные тона…

От увиденного стынет кровь в жилах, по коже пробегает мороз… Смотреть на это невыносимо, но не смотреть я отчего-то не могу…

Новая боль разрезает тело напополам и это дает новый толчок, новый импульс. Бежать! Но откуда-то приходит понимание, что все – напрасно…

И все же я бегу. Бегу, ощущая, как теряю самое важное… теряю смысл. Смысл двигаться. Смысл дышать. Смысл всего…

Остановиться удается только тогда, когда внезапно понимаю – впереди обрыв. Замираю с ногой, занесенной над пропастью, хочу отпрянуть, но натыкаюсь спиной на чье-то тело…

Холодная, безжалостная рука толкает меня вперед…

Больше нет шанса на спасение. Больше нет выхода. Я срываюсь вниз, в последней, отчаянной попытке пытаясь обернуться, чтобы увидеть, кто это сделал. Кто виноват?..

Но у тьмы нет лица. И в момент, когда свет окончательно гаснет, я наконец слышу собственный оглушительный крик, полный животного ужаса и безнадежности…

…и просыпаюсь.

От ночного кошмара по спине струился пот, сердце в груди колотилось, как бешеное. Сумасшедший крик, сорвавшийся с губ, все еще стоял в ушах.

Я инстинктивно пошарила по постели рукой, ощупывая место рядом с собой. Но ладонь встретила лишь холод и безучастность простыней. Конечно, там было пусто. Валера наверняка давно ушел на работу.

В последнее время муж вставал очень рано – строительство нового объекта, на котором он был занят в качестве инженера, отнимало кучу времени. Он уезжал

на стройку рано утром и возвращался поздно вечером, ближе к ночи. Я видела его так мало, что начинала скучать настолько сильно, будто мы и не жили вместе под одной крышей.

А как бы мне хотелось сейчас, чтобы он меня просто обнял! Как делал всегда, когда мне было плохо – укрывал собой от любой беды, ни о чем не спрашивая, не задавая лишних, бессмысленных вопросов… Просто был рядом, зная, что его надежные объятия – это все, что мне в такие моменты нужно.

Я обняла себя за плечи, пытаясь спастись от чувства холода, рожденного кошмарным сном. Казалось, этот леденящий ужас, что испытала во сне, проник мне под самую кожу и не желал уходить даже теперь, наяву…

Глупости! Это был всего лишь кошмар. Всего лишь еще один кошмар, порожденный моими собственными страхами. Но почему такой пугающе живой?..

Я знала, что все это связано с тем делом, которое упорно откладывала на протяжении нескольких дней. Шли уже одиннадцатые сутки моей задержки… и пора было сделать тест, но я боялась.

Боялась снова разочароваться. Боялась не выдержать, когда в очередной раз увижу вместо заветных двух полосок – всего одну…

Мы с Валерой до сих пор не обсуждали эту проблему. Просто жили, просто пытались. Казалось, что если не говорить о своих тревогах вслух – то их словно бы и не существовало. Не существовало вероятности того, что я не смогу…

…стать матерью.

Но в моих мыслях невысказанные вслух страхи росли и множились, как сорняки на благодатной почве. Грызли, душили, давили с каждым днем – все больнее, все сильнее, все мучительнее…

Я вздохнула и признала наконец то, что меня так пугало: если и в этот раз ничего не вышло, мне придется наконец обратиться к врачу.

Но оставалась еще призрачная надежда, что до этого не дойдет. Со вздохом сожаления я покинула теплую, гостеприимную постель, из которой не хотелось вылезать, и протопала босыми ногами на кухню.

Пыталась начать утро с привычного ритуала – заварить кофе, поджарить тосты… В этих простых, обыденных вещах я отчаянно искала иллюзию покоя, столь необходимого мне сейчас, когда предстояло сделать то, что должна.

Включив кофеварку, я прошла в ванную комнату и достала из шкафчика до боли знакомый тест. Как ни старалась сдерживаться, руки все же затряслись от волнения. Сделав несколько глубоких вдохов, я сказала себе: это просто еще один тест. Ничего нового. Ничего страшного.

Кроме его результата, на который не было сил взглянуть. Я до боли закусила губу, готовясь принять вынесенный мне приговор. Приговор от бездушного куска пластика!

Тест буквально плясал в моих трясущихся руках, когда я перевернула его нужной стороной. Из-за этого я не сразу сумела осознать, что то, что там вижу – вовсе не обман зрения…

Две полоски. На тесте виднелись две красных, отчетливых полоски!

Потрясенная, я рухнула без сил на унитаз. Неужели правда? Не какая-то ошибка, не жестокий в своей обманчивости сон?

Я ущипнула себя, пытаясь поверить в реальность того, что видела. На глазах выступили слезы, но на этот раз не от боли и не от разочарования…

Неужели я действительно стану мамой?!

Глава 2

Когда изначальная эйфория, рожденная результатом теста, схлынула, я попыталась хоть немного вернуть себя с небес на землю. Тест мог ошибаться –

это первое, о чем мне стоило сейчас помнить. Такое уже бывало…

И чем чаще я буду напоминать себе об этом, тем меньше будет разочарование, если вдруг все же окажется, что радость была преждевременной.

Но надежда уже прочно поселилась внутри. Надежда уже сводила с ума картинками счастливого будущего…

Я зажмурилась, представляя, как держу на руках ребенка. Как муж смотрит на нас обоих – с нежностью, столь хорошо мне знакомой, но теперь направленной еще на одного человека – продолжение нас обоих…

По всему телу прокатилась дрожь, когда я мысленно проговорила то, что так давно мечтала произнести вслух…

«Нас будет трое…»

Это было до того хорошо, что я вновь испугалась. Того, что праздную раньше времени. Того, что слишком далеко забегаю в своих мечтах, которые могли и не сбыться…

Эта мысль мигом меня отрезвила. Поднявшись на ноги, я в первую очередь направилась за своим телефоном, чтобы записаться на анализ крови на хгч – для верности и собственного спокойствия. Благо, что прямо в соседнем доме был филиал лаборатории, где можно было сдать экспресс-тест и получить результат буквально за два часа!

Кинув взгляд на часы, я записалась на сдачу теста через двадцать минут и второпях стала собираться. Сердце стучало от волнения, от надежды и предвкушения, смешавшихся в причудливый ритм. Удивительно, но даже хмурая зимняя картинка за окном вдруг заиграла новыми красками!

Два часа. Всего два часа… и я буду знать все почти наверняка!

Ожидание сводило с ума. Я знала, что нужно на что-то отвлечься, переключить мысли, заняться работой, в конце концов. Но взгляд то и дело упрямо обращался

к телефону, молчаливо умоляя о письме с результатом анализа. И хотя от этого гипнотизирования черного экрана не было никакого толку, по-другому я просто не могла.

Ну почему они так долго? Прошло уже полтора часа – целая вечность, когда ждешь подтверждения того, о чем почти уже не смела мечтать!

Я закусила губу и наощупь придвинула к себе чашку с кофе, бессмысленным взглядом уперевшись в монитор, на котором светился так и недоработанный мной проект…

Я честно пыталась взяться за дело – уже в миллионный раз за то время, что прошло с момента сдачи теста, но перед глазами стояли только две заветные полоски…

Руки сами собой сложились в молитвенный жест и я, словно резко лишившись последних сил, уронила на них голову. Подумалось вдруг – у Валеры буквально через два дня будет день рождения. Невозможно было даже представить лучшего подарка, чем те слова, которые я так отчаянно хотела ему сказать…

«Нас будет трое…»

Резкий звук телефона заставил меня вмиг встрепенуться. Сердце буквально сошло с ума, когда я увидела, что на электронную почту пришло долгожданное письмо…

Попасть по нужным кнопкам удалось далеко не сразу – дрожали руки, нервно тряслось все тело…

Но вот наконец нужный документ был открыт. Глаза сразу же нашли самую важную строчку…

И больше я уже ничего не видела. Потому что все, на что была способна – это плакать от счастья.

– Чему ты улыбаешься?..

Услышав вопрос, я подняла глаза на мужа, вышедшего из ванной комнаты. Ну какой же он был красивый! Прожитые вместе годы сделали его лицо самым родным, знакомым до мельчайшей черточки, но не отняли у меня способности тайком им любоваться, радуясь от того, что этот мужчина – мой.

Казалось, его внешность, достойная древнегреческого бога, со временем должна была сыграть против него, превратив красивые черты лица в маску стареющего юноши, но этого не произошло. Напротив – годы сделали его мужественнее, заменив обманчивую мягкость – сталью.

В этом лице легко читалась внутренняя сила и непоколебимая воля. Впрочем, это было в нем всегда. Валера словно бы родился с твердым знанием того, что хочет, и способностью идти до конца, пока этого не добьется.

Это касалось и карьеры, и личной жизни.

Казалось, муж знал, что я стану ему принадлежать задолго до того, как я сама это поняла. Но все это – его упорство, его целеустремленность, его твердость – были тем, что и привлекало меня в нем в первую очередь.

Я привстала в кровати и протянула к мужу руки, с трепетом проведя пальцами по гладкой коже груди…

– Улыбаюсь тому, что ты рядом, – ответила после затянувшейся паузы.

Он опустился возле меня на постель, наблюдая за моими движениями с ленцой хищного зверя, позволяющего играть с собой до тех пор, пока ему самому это нравится.

Этот знакомый взгляд заставил прильнуть к нему ближе, ласкать все смелее… А в груди зарождался пожар от понимания того, как мне не хватало подобной близости в последнее время.

– Злата, подожди…

Его рука накрыла мою, когда я уже подобралась к низу его живота.

– Что такое? – выдохнула, дразняще целуя мужа в шею.

Он с шумом втянул в себя воздух, но ответил поразительно твердо:

– Ты прости, но… давай не сегодня. Я так устал…

– А тебе ничего и не придется делать, – улыбнулась я, взбираясь к нему на колени. – Я просто хочу, чтобы тебе хорошо…

– Нет, – решительно отрезал он и его руки, сжавшиеся вокруг моей талии, показались мне стальным обручем, не дававшим сдвинуться с места.

– Почему? – спросила, не скрывая обиды.

– Потому что я не хочу… чтобы все было так. Когда я не могу дать тебе того же…

Закусив губу, я вернулась на свою половину постели и, улегшись, отвернулась к стене. Это был первый раз за последние недели полторы, когда специально дождалась возвращения мужа с работы, желая разделить с ним долгожданное счастье – пока еще не вслух, но хотя бы просто побыть вместе, зная, что нас теперь трое…

– Не сердись, – донесся до меня его голос. – Скоро работы станет поменьше и тогда…

Я со вздохом повернулась к нему лицом и попросила – почти жалобно:

– Обними меня…

Он внимательно вгляделся в мое лицо – так, что мне даже показалось, что он что-то заподозрил, но в итоге просто притянул меня к себе, и я с наслаждением прижалась к его телу в поисках столь нужного мне сейчас ощущения близости.

Пару дней спустя я хлопотала на кухне, готовя для праздничного ужина самые любимые блюда мужа. За прошедшие двое суток мне с огромным трудом

удавалось удерживаться от того, чтобы просто не прокричать вслух о своей тайне, которую носила под сердцем.

Впрочем, это было не столь уж и трудно, если учесть, что мужа я по-прежнему видела мало…

– Придешь сегодня пораньше?

Я умоляюще заглянула Валере в глаза, провожая этим утром на работу. Специально встала к пяти часам, чтобы успеть застать его до того, как он снова убежит на эту свою важную стройку.

Мне казалось, что мой собственный взгляд выдавал меня сильнее любых слов, но Валера лишь слабо, рассеянно улыбнулся мне в ответ – и я ясно осознала, что мысли его были вовсе не здесь.

– Не знаю, как получится… – только и сказал прежде, чем, поцеловав меня, выйти за дверь.

Это воспоминание породило теперь неясную тревогу в груди – словно происходило нечто, о чем я пока была не в курсе. Но я тут же отмахнулась от этого ощущения – в конце концов, Валера работал сейчас над очень ответственным проектом и его некоторая отстраненность и погруженность в собственные мысли были вполне объяснимы. И мне не стоило позволять всяким глупым мыслям отравлять себе радость предвкушения этого вечера!

Стрелка часов неторопливо, но неуклонно подползала к восьми. Я надеялась, что муж все же выполнит мою просьбу и вернется хотя бы на пару часов раньше обычного…

Открыв духовку, я втянула носом запах запеченного картофеля в специях – муж просто обожал, когда я готовила его по своему особому рецепту. Впрочем, Валера, кажется, готов был есть вообще все, что угодно, лишь бы оно было сделано из картошки.

Проверив готовность мяса, я снова посмотрела на часы в молчаливом нетерпении. Может, не стоило вообще разводить такую таинственность и

преподносить давно желанное событие, как сюрприз? Может, узнав о моем положении, муж сам стал бы стремиться домой пораньше?

Я подавила готовый вырваться наружу горестный вздох. Грех было жаловаться на судьбу – мне ведь достался в мужья замечательный человек. Готовый на все ради меня и семьи. Хотя порой он так много делал и для окружающих, что у меня самой внутри возникало иррациональное чувство ревности. Мне было его так мало, пусть он и принадлежал всецело мне одной…

Глупые мысли мигом испарились, когда я услышала, как в замке поворачивается ключ. Он все-таки пришел пораньше!

Со счастливой улыбкой я вылетела в прихожую, готовая броситься мужу на шею и прямо с порога огорошить тем, о чем уже не было никаких сил молчать…

Но улыбка так и застыла на лице, как приклеенная, а ноги буквально приросли к полу, когда дверь открылась, а там…

Муж стоял на пороге вовсе не один. К его боку испуганно жался темноволосый мальчишка с огромными от страха глазами, на вид лет четырех или пяти…

Сердце у меня оборвалось от какого-то непонятного, чудовищного чувства. Мозг лихорадочно работал, пытаясь найти объяснение тому, что видела.

Зная безотказность мужа, я легко могла представить, что кто-то из знакомых попросил его присмотреть за своим ребенком. Или даже что он подобрал этого мальчика прямо на улице, а тот просто потерялся и не знал, где его дом…

Но все иллюзии были мигом разрушены, когда я услышала слова, сказанные хорошо знакомым, но столь чуждо звучащим сейчас голосом, в котором звенели сталь и холод…

– Злата, это мой сын. Миша. Нас теперь будет трое.

«Нас будет трое», – эхом отозвалось у меня в голове.

Вот только эта, столь заветная для меня фраза, была озвучена отнюдь не мной…

Глава 3

От сковавшего грудную клетку холода трудно было сделать вдох. Испустив какой-то беспомощный звук, я всмотрелась в лицо Валеры, отчаянно ища там признаки того, что услышанное – совсем не то, что думается…

Хотя все было сказано прямо и однозначно. Но я, потрясенная, была просто не в состоянии это принять!

– Это розыгрыш какой-то? – проговорила дрожащим голосом, цепляясь за это наивное, бесполезное оправдание.

Муж даже не смотрел мне в лицо. Его взгляд был таким пустым, таким отстраненным, что это пугало меня еще больше. Давало ощутить в полной мере – все переменилось. В этот самый миг…

А может, гораздо раньше.

– Я неясно выразился? – процедил сквозь зубы муж. – Это. Мой. Сын. Займись им!

Бросив мне эти слова, как приказ, Валера скрылся в спальне, а я осталась стоять, ощущая, что если попытаюсь сделать хоть шаг – просто рухну, как марионетка, которой одним ударом отсекли ноги.

Что вообще происходило? Эта мысль возникла в голове, пока я провожала взглядом такую знакомую, родную фигуру мужа. Вот только сейчас в него будто вселился какой-то незнакомец. Это был не мой Валера! Может, все происходящее сейчас вообще страшный сон?!

Я издала жалобный стон, ощущая, как внутри растет и множится паника.

Мальчонка, так и забытый у двери, испуганно забился в угол, словно пытаясь сделаться невидимым. Его руки, которыми он прижимал к себе старого потасканного медведя, нервно дрожали. Он походил сейчас на беззащитного,

зашуганного зверька…

Мое тело насквозь прошила боль, словно кто-то разрезал меня напополам. Одной моей половине было невыносимо смотреть на несчастного ребенка, вторая же начинала злиться от того, как с ней поступили…

Разве я не имела права, как минимум, получить какие-то объяснения происходящего?! Почему мой муж вел себя так, будто я была обязана принять ситуацию, как должное, хотя ему следовало бы молить меня о прощении?!

Мы были женаты уже восемь лет. Восемь долбаных лет, которые я считала счастливыми! А теперь выяснялось, что мой брак – совсем не то, чем казался мне все это время. Не союз двух близких людей, не тихая гавань любви и безопасности, а сплошной обман!

Все это время он мне лгал. Когда ложился со мной в постель, когда целовал меня, когда желал доброго утра и спокойной ночи, когда говорил, что любит…

Все это время он меня предавал!

Боль и отравляющие мысли разрастались внутри, как снежный ком. И больше сдерживаться я не могла.

Впившись ногтями в ладони, решительно сжала кулаки и прошла за ним следом в спальню. Я имела право получить ответы на свои вопросы!

– Что все это значит?! – выкрикнула, шагнув в комнату, которую делила с мужем на двоих. Как делила с ним и всю свою жизнь. И полагала, что это взаимно.

– Не ори, – только и произнес он устало в ответ.

Валера сидел на постели и смотрел в одну точку. Его лицо было холодной, непроницаемой маской. Я вдруг поняла, что в этот самый момент, когда ощущала себя, точно на вершине вулкана, он сам был пугающе… равнодушен.

– Не орать?! – сорвалась я. – Ты приводишь в наш дом ребенка – без предупреждения, без разговоров, и хочешь, чтобы я это воспринимала

спокойно?! Да ты хоть понимаешь…

Я задохнулась – кончились резко силы, иссякло дыхание. Боль накатывала волнами, лишая возможности мыслить трезво.

– Ты же мне изменил… – прошептала беспомощно, а затем уже громче:

– Изменил! И не признался, не попросил прощения! Что происходит, Валера?!

Его бездействие, его молчание, окончательно вывели меня из себя. Подскочив к нему, я с размаху ударила мужа по лицу, желая получить от него хоть какую-то реакцию на то, что творилось!

Он выдержал мой удар стоически. Подняв на меня окаменевший взгляд, сказал:

– Мы не будем сейчас это все обсуждать. Просто займись ребенком!

Меня затрясло. Самый родной человек на моих глазах превратился в ледяную бесчувственную глыбу, которую было ничем не пронять. Никак не пробить.

– Нет, это ты займешься сейчас этим ребенком, – твердо отчеканила я. – А именно – вернешь его туда, откуда взял!

Следующий возникший в голове вопрос заставил испытать новый приступ боли.

– Кто его мать?! Почему он не с ней?!

Муж порывисто встал с места, надвинулся на меня, как сошедший с рельсов поезд, грозя раздавить. Смести. Уничтожить. Я впервые испугалась его. Испугалась того, кто всегда меня защищал.

– Злата, я же сказал – я не буду сейчас об этом говорить!

– Отлично! – огрызнулась я. – А потом говорить будет не с кем!

Я повернулась, готовая немедленно уйти прочь из дома, но он меня опередил. Рванул к выходу, громко хлопнул дверью на прощание и… все.

Все стихло. Осталось лишь мое нервное дыхание да размеренный шум проезжавших под окном машин…

…и маленький мальчик у двери. Внебрачный сын моего мужа.

На дрожащих ногах я вернулась в прихожую. Мальчик сидел на полу, по-прежнему вжимаясь всем телом в стену. Он не издавал ни звука, не позволял себе заплакать, но его глаза…

В его глазах застыла тысяча мук, куда более красноречивых, чем любой крик. По телу у меня пробежала дрожь. Было невыносимо сознавать, что передо мной находится результат измены того, кому так верила. Но вместе с тем… я не могла ничего поделать с осознанием того, что ребенок – не виноват во всем этом. Что он – всего лишь еще одна одинокая, мечущаяся душа. Точно, как и я.

– Миша… – проговорила я помертвевшими губами. – Ты есть хочешь?

Он так быстро замотал отрицательно головой, что я поняла – боится. И поэтому наверняка скрывает, что голоден.

Я зажала рот рукой, пытаясь не разрыдаться от той безнадежности, которую сейчас ощущала. Я словно была в ловушке – муж ушел, а мне было попросту некуда деваться. Не выкидывать же на мороз несчастного мальчика?!

– Глупости, – попыталась сказать спокойно, но вышло довольно резко. – Конечно, хочешь.

Я прошла на кухню, только сейчас осознав, что оттуда воняет дымом. Быстро открыв духовку, обнаружила, что мясо и картофель ожидаемо превратились в черные угли. Сгорели, как все, во что я верила до этого чертового дня.

Я захлопнула дверь духовки и просто выключила ее, не в силах смотреть на то, во что превратился праздничный, как задумывалось, ужин. Во что превратилась моя жизнь.

– Ничего… ничего, сейчас что-нибудь придумаем… – пробормотала я, ощущая, что только так, переключая на что-то мысли, в состоянии сейчас сохранить свой разум.

Я на скорую руку сварила пасту, заправив ее самым нехитрым образом – маслом и сыром, и в дополнение к ней приготовила сосиски.

Выложив это все на тарелку, я впервые за последние пятнадцать минут обернулась к мальчику. Он все так же сидел в углу, уткнувшись носом в поредевшую шерстку своего медвежонка…

– Иди за стол, – позвала я, но Миша даже не сдвинулся с места. Лишь смотрел на меня и от этого взгляда все внутри переворачивалось.

– Ладно… – пробормотала я, беря тарелку в руки и подходя к нему. – Можешь поесть здесь… если тебе так удобнее.

Я протянула ему еду, но он так и не шелохнулся. Закусив губу, я осторожно поставила тарелку с ним рядом и отошла, и тогда мальчик, словно пугливый, изголодавшийся котенок, наконец накинулся на пищу.

Он ел прямо руками. Быстро, жадно, словно боялся, что я отберу…

Не желая его смущать, я коротко обронила:

– Я тебе в гостиной постелю…

Пока доставала свежий комплект постельного белья, перед глазами так и стояла картина того, как ребенок ел. Было в этом что-то отчаянное, ненормальное, порождавшее в голове кучу вопросов…

Но разбираться с этим должна была вовсе не я! А тот, кто его привел. Тот, кто заделал этого ребенка на стороне…

Тот, кто меня предал.

– Сейчас еще одеяло принесу, – сказала я, опуская белье на диван. Говорила больше не для Миши – для себя самой, потому что тишина буквально сводила с ума.

Когда я вернулась с одеялом, обнаружила, что мальчик уже застелил постель сам, опасливо присев на самый ее край, будто бы готовый к тому, что я передумаю, прогоню…

Я молча опустила рядом с ним теплое одеяло, после чего отошла, чтобы выключить свет.

– Спокойной ночи, – произнесла сдавленно.

А когда свет потух, погружая все вокруг в спасительную темноту, бессильно, беззвучно разрыдалась.

Глава 4

Шестнадцать лет назад

– Он такой красавчик, правда?

Я вздрогнула, словно меня застали с поличным за каким-то неприличным занятием и порывисто обернулась. За моей спиной стояла смутно знакомая мне девушка – кажется, мы были однокурсницами. Впрочем, имени ее я не знала, как, в общем-то, и всех остальных, кто учился со мной вместе.

– Не знаю, о чем ты, – отозвалась равнодушно и оттолкнулась от перил, на которые опиралась.

Откуда, если уж быть честной, было очень удобно наблюдать за тем, что происходило в холле.

– Да брось, дело-то девичье, – рассмеялась девушка и толкнула меня плечом. – Я Даша, а ты?

Я кинула на нее хмурый взгляд. За пару дней, прошедших с начала учебного года, все со всеми, казалось, сразу же перезнакомились, но я держалась в стороне. Просто исправно ходила на лекции и старалась ни на что иное не отвлекаться.

И тот парень внизу… мне отчего-то вдруг показалось, что он такой же, как и я.

Одинокий.

– Ну? – требовательно уставилась на меня Даша. – Как тебя зовут-то?

Казалось, не было ничего проще, чем назвать ей свое имя, но я знала, что за этим обычно следует. То, к чему была вовсе не готова. К разочарованиям.

– Извини, я не в настроении общаться, – кинула ей на ходу, поспешно зашагав прочь по коридору.

Но Даша была не из тех, от кого можно так просто отвязаться.

– Ты всегда такая… бука? – спросила она, нагоняя меня и упрямо топая рядом.

– А ты всегда такая навязчивая?

Она ненадолго задумалась, потом мелодично рассмеялась – видимо, каким-то своим мыслям. Я поймала себя на том, что невольно завидую этому красивому смеху и той легкости, с которой она со мной общалась, не обращая внимания на мое явное к тому нежелание. Такой уверенности в себе я могла только позавидовать.

– Мне просто интересно, почему ты всегда одна, – наконец ответила она.

Я удивленно на нее уставилась:

– С чего ты это взяла?

Она снова рассмеялась – словно нежно зазвенел рядом хрустальный колокольчик.

– Трудно не заметить. Все остальные кучкуются, а ты стараешься оказаться подальше от людей.

– Может, мне просто никто не нужен, – бросила в ответ с досадой, порожденной ее внимательностью.

– Так не бывает, – решительно заявила Даша.

– Откуда тебе знать?

– Ну, с кем тогда сплетничать? – беззаботно пожала она плечами. – А все любят это дело! Ну так что, понравился тебе тот парень, внизу?

Я одарила ее тяжелым взглядом и, кивнув в сторону одной из аудиторий, зачем-то сообщила:

– Мне сюда.

– Какое совпадение, мне тоже!

Она так и последовала за мной, точно хвост, и это отчасти даже раздражало. Но вместе с тем… я начинала понимать, что от ее пустой болтовни мне все же становится немного легче.

По уже выработанной привычке я направилась на самый верхний ряд в расчете на то, что никто сюда больше не полезет. Но пока пробиралась на эту Джомолунгму, умудрилась зацепиться сумкой за выдвинутый стул, и все ее содержимое тут же оказалось на полу.

Даша мгновенно оказалась рядом. Несмотря на то, что я не обронила ни слова, не говоря уж о просьбах о помощи, стала активно помогать мне подбирать рассыпавшиеся вещи. Подхватив мой студенческий, она, не задумываясь, тут же

его раскрыла и улыбнулась:

– Злата, значит. Красивое имя.

Я выхватила из ее рук свой билет и, коротко бросив «спасибо», почти бегом поднялась на последний ряд и забилась там в угол. Даша за мной не последовала, зато пару минут спустя нежданно привалила новая напасть.

Кто-то резко отодвинул соседний стул и стройная, но мощная фигура с шумом приземлилась со мной рядом.

Я удивленно подняла глаза на того, кто посмел нарушить мое уединение. Сердце нервно дернулось и подскочило к горлу, когда я обнаружила так близко от себя того, за кем недавно наблюдала.

– Я не разрешала садиться рядом со мной, – прокомментировала неприветливо, пытаясь под этой резкостью скрыть свое идиотское, неуместное волнение, вдруг накатившее на меня волной.

Он откинулся на спинку стула, без стеснения оглядел меня с головы до пят и спокойно выдал:

– А я и не спрашивал разрешения.

Я дернулась было, чтобы уйти, но обнаружила, что с одной стороны от меня – стена, а с другой – этот наглец, который явно не собирался меня пропускать.

Я закусила губу, не зная, как быть в этой ситуации. Разрываемая двумя полярными желаниями разом – остаться рядом с тем, кто притягивал мой взгляд, или уйти ради своей же собственной безопасности.

– Сядь обратно, – лениво протянул он. – Я видел, как ты на меня смотрела – и если это было не приглашение, то что же тогда – да?

Я растерянно опустилась обратно на свой стул, возмущенная и смущенная его словами одновременно.

– Не обольщайся, – огрызнулась, отворачиваясь к стене. – Я просто смотрела вниз, а не на тебя лично.

– Ну да, ну да, – насмешливо поддакнул он и я ощутила, как внутри зарождается какое-то очень противоречивое чувство… Я не могла понять, чего хочу больше – послать его куда подальше или продолжить этот странный, раздражающий, интригующий диалог…

От этой мысли даже стало стыдно. Она казалась какой-то кощунственной и неправильной сейчас, в этот момент времени, когда еще переживала тяжелое расставание и очередное разочарование от того, что снова потеряла того, к кому осмелилась привязаться.

– Меня зовут Валера, – вмешался в мои размышления густой, низкий голос, от которого по коже мурашки неслись стадом. – А ты – Злата, можешь не отвечать, я и так знаю.

Удивленная, я резко повернулась к нему лицом.

– Откуда…

Он рассмеялся и дрожь, и без того предательски расползавшаяся по телу от его близости, усилилась многократно.

– У меня просто есть уши, вот и все.

Я невольно посмотрела на этот упомянутый им орган, а потом не смогла удержаться от того, чтобы пробежаться взглядом по всему лицу – такому красивому, что казалось возмутительной несправедливостью то, что оно досталось парню.

Он неожиданно склонился ко мне – так близко, что его дыхание коснулось моей кожи…

– А еще я знаю, что ты будешь моей…

Настоящее время

Я резко распахнула глаза и тут же зажмурилась от неприятно ударившего по ним света – накануне не нашлось сил даже на то, чтобы зашторить окна.

По привычке кинула взгляд на подушку рядом с собой и с трудом сглотнула резко вставший в горле ком.

Соседняя половина постели была не смята – Валера так и не вернулся домой. Если, конечно, мучимый чувством вины, не решил лечь спать где-нибудь на кухне или в соседней комнате.

Но по вчерашнему поведению мужа трудно было заподозрить, что он вообще считает себя передо мной виноватым. Конечно, он всегда был тем человеком, который с трудом признавал свою неправоту – как и многие другие мужчины – но это ведь был совсем иной случай!

Я не знала, как повела бы себя, узнай обо всем заранее. Смогла бы простить? Смогла бы понять? Трудно было даже предположить, учитывая, что мне вообще ничего не было известно об обстоятельствах появления Миши на свет. Была ли это единоразовая ошибка? Или речь шла о годах обмана и лжи?..

Да и имело ли это вообще значение? Один раз он мне изменил или это продолжалось несколько лет, один факт оставался неизменным: муж меня предал.

Самый близкий, самый родной человек, с которым провела вот уже половину своей жизни… Первый, кому сумела довериться и кто доказывал каждый день, что не зря…

И что в итоге? Я лишь придумала себе эту идеальную жизнь, а на деле… На деле в моей гостиной спал маленький испуганный мальчик – плод предательства и измены.

Я отчаянно растерла лицо руками и обнаружила, что оно влажное от слез. Вздохнув, попыталась собраться с мыслями. Нужно было поговорить с кем-то обо

всем этом. С кем-то, кому могла доверить самое сокровенное.

Помимо мужа, в этом мире у меня был только один такой человек.

Даша.

Глава 5

По телу бежала нервная дрожь, а во рту стояла противная горечь, пока набирала номер лучшей подруги, каждую секунду готовая сбросить этот звонок.

Как же больно, как невыносимо было признаваться в том, что многолетний и крепкий, как казалось, брак, вдруг обернулся фикцией. Рухнул, как карточный домик после первого же порыва ветра.

Пока слушала долгие гудки, невольно ловила себя на мысли, столь свойственной многим русским женщинам – а не была ли я во всем виновата сама? Неужели ему чего-то во мне не хватало, раз такое случилось с нами? Может, его что-то не устраивало, а я этого просто не замечала?

Среди тысячи ежедневных разговоров, среди миллиона самых обычных слов я мучительно искала причину случившегося. Намек, который вовремя не уловила и не поняла…

Может, Валера давно хотел детей и его беспокоило то, что я до сих пор не смогла родить? Может, этот ребенок на стороне – последствие моего собственного выбора, когда много лет отдавала предпочтение карьере, а не рождению детей?

Гудки в динамике мучительно тянулись один за одним и так же выматывающе пожирали меня все новые и новые мысли…

Нет! Не я была в этом всем виновата! Шестнадцать лет мы знали друг друга – до мельчайшей точки на теле, до тончайшего оттенка голоса… Между нами было абсолютное понимание даже тогда, когда мы ничего не произносили вслух! Так

разве не мог он прямо поговорить со мной, если его что-то волновало? Разве было между нами – двумя такими родными людьми, нашедшими друг в друге то, чего нам не хватало всю жизнь – хоть что-то запретное?

Нет! Не было в этом моей вины. Только его выбор.

Выбор не в мою пользу.

– Златка… – наконец откликнулся динамик телефона голосом подруги в ответ на мои долгие попытки дозвониться, – если ты разбудила меня по причине менее значительной, чем конец света – клянусь, я…

Она зевнула, так и не договорив, что именно мне угрожало в этом случае. Но от звука ее родного голоса, сквозь разъедающую меня горечь прорвался невольный смех – грустный, ироничный…

– Это почти конец света, – ответила ей, глотая подступивший к горлу комок. – Валера…

Я не сумела договорить – горло сжало стальным обручем, сквозь который сложно было сделать даже вдох.

– Что с ним?

Голос Даши тут же утратил ленивую сонливость, сделавшись серьезным и обеспокоенным.

– Не молчи! – взмолилась она. – Он цел?

– Я не знаю… – придушенно прошептала в ответ.

– В каком смысле ты не знаешь?

– Он не ночевал дома… кажется…

– Господи, да что там у вас творится такое?

Послышалась шумная возня – Даша явно поднималась с постели. Я могла представить, как она сейчас накидывает на себя легкий халатик, который больше годился для того, чтобы обнажать нужные места, нежели для того, чтобы прикрыться, и озадаченно хмурится, готовая в любой момент броситься на помощь, если бы я только попросила.

Эта, такая знакомая картинка, помогла мне обрести снова хоть какое-то подобие покоя.

– Мы поругались вчера… он привел в дом ребенка…

– Какого еще ребенка? – мгновенно ужаснулась Даша.

Столько лет прошло со дня нашего знакомства – а она, как казалось со стороны, совсем не менялась. Похожая и прежде на красивую, неуловимую птичку, которую невозможно было запереть в клетке, такой она оставалась и по сей день. Было много тех, кто мечтал ухватить ее за хвост: десятки мужчин – красивых, успешных, богатых – но никому так и не удалось этого сделать за все годы. И лучшая подруга – наверно, единственная из знакомых мне женщин, кого я совершенно не могла представить в роли матери. И потому видела сейчас, как наяву, неподдельный ужас на ее лице от одного лишь слова «ребенок».

– Его ребенка, Даш… – пробормотала, стараясь не заплакать. – Его…

– Чушь какая! – тут же отреагировала она в ответ. – Откуда у него мог взяться ребенок…

– Оттуда, откуда и у всех, – невесело хмыкнула я.

– Я имею в виду – без тебя…

Она невольно ударила в самое больное место. Я согнулась на постели пополам, ощущая, как губы становятся солеными от стекающих ручьем слез.

– Он мне изменил, – озвучила вслух то, во что так трудно было поверить.

– Это невозможно! – решительно возразила Даша. – Я за все эти годы не видела, чтобы он на другую хоть раз смотрел, как на женщину! А ведь за ним сколько девок бегало, помнишь? А он в тебя как вцепился – так больше и не отпускал…

Я невольно улыбнулась этим воспоминаниям. Как же давно это было… И как я нуждалась сейчас именно в этом – напоминании о том, как муж всю жизнь ко мне относился. Произнесенное чужими устами, оно давало какую-то смутную надежду на то, что всему этому ужасу есть какое-то объяснение… Что-то, во что я смогу поверить. Что-то, что сделает жизнь, разломившуюся на «до» и «после», прежней… цельной.

– И где сейчас этот ребенок? – поинтересовалась подруга, так и не получив от меня ответа.

– В гостиной… спит.

– Знаешь что? Нужно сделать тест на днк! Может, кто-то просто решил повесить на Валеру чужого спиногрыза?

– Даш, мы же не в глупом ток-шоу, – устало отмахнулась я. – Если он его привел – значит, уверен в том, что это его сын.

– Хм… – коротко отозвалась подруга. – И что ты теперь будешь делать?

– Я не знаю… – призналась растерянно.

– Хочешь, приеду? Я, конечно, ничего в детях не смыслю, но…

– Не надо, – покачала я головой. – Миша кажется очень напуганным и я думаю, что… ему не на пользу будет присутствие еще кого-то незнакомого…

В динамике послышалось недвусмысленное осуждающее цоканье.

– Осторожно, Златка. Ты уже начинаешь мыслить, как мать. А тебе бы по-хорошему этого паренька слать куда подальше… иначе так и останется на твоей шее!

Она, конечно, была права. Но вспоминая лицо этого несчастного, беззащитного мальчика… я не могла найти в себе той жесткости, которая требовалась в этой ситуации.

– Раз помощь не нужна… – донесся до меня голос подруги.

– Пока ничего не надо, – ответила я, правильно поняв намек. – Беги.

– Если что – звони! Я приеду!

Она отключилась, а я с тяжелым сердцем поднялась с кровати. Нужно было что-то решать… но для этого не мешало бы сначала найти того, кто бросил меня наедине со своим сыном и сбежал!

Заглянув в гостиную, я ожидала увидеть, что Миша действительно еще мирно спит. Но диван оказался пуст, а с кухни доносились весьма характерные звуки…

Войдя туда, я буквально онемела, только в глазах резко зажгло так, что выступили невольные слезы.

Миша старательно подметал пол. Вооружившись столь несоразмерной с его маленькой фигурой длинной щеткой, внимательно выметал мусор, среди которого я увидела ошметки гари из духовки. Подняв глаза вверх, обнаружила, что посуда, в которой вчера были угли, теперь вымыта до блеска…

Это настолько меня поразило, что я чересчур резко подскочила к мальчику и вырвала из его рук щетку и совок.

– Ты что делаешь? – выдохнула потрясенно.

Он испуганно отшатнулся от меня, вжался худенькой фигуркой в стену…

Я поняла, что ребенок решил, будто я его ругаю. Едва не плача, я присела перед ним на колени и сказала:

– Миша, ты не сделал ничего плохого. Ты молодец и я благодарна тебе за помощь. Но ты не должен был этого делать…

Я прижала ладонь к губам, чтобы не зарыдать. Почему этот маленький мальчик умел то, чего уметь вовсе не должен был? Ведь в этом возрасте мальчишкам положено беззаботно играть, а не драить посуду и подметать пол!

– Ты и раньше делал такое? – спросила я как можно мягче, как только обрела вновь способность говорить.

Он уверенно кивнул в ответ, глядя на меня своими огромными, невинными глазами. Он явно не понимал, что то, чем он занимался – настоящий нонсенс.

– Каждый день? – уточнила я, чтобы подтвердить свою чудовищную догадку.

Он снова кивнул.

Я сглотнула, ощущая какую-то неясную ненависть к тому, кто довел этого ребенка до подобного.

– Пожалуйста, больше такого не делай, если я не попрошу, ладно?

В его глазах отразилась задумчивость. Он словно пытался уложить в своей маленькой голове новые, ранее незнакомые ему правила. Но в итоге все же кивнул в третий раз.

– Присаживайся, – предложила я, указав ему на стул. – Сейчас будем готовить завтрак.

Господи! Наверно, Даша была до ужаса права. Я уже словно бы смирилась с присутствием рядом этого ребенка!

Но что мне было делать? Имела ли я право быть жестокой с тем, кому и без меня явно немало досталось за его, в общем-то, такую недолгую жизнь? Нет, я не могла и не хотела обижать этого мальчика, так отчаянно старавшегося во всем угодить.

И все же нужно было связаться с мужем. Беглый осмотр показал – дома он так и не появлялся. За ночь от него не было ни звонков, ни смс. Не было ответа и

теперь, когда я набрала его номер телефона. Более того – абонент был вне зоны доступа…

В груди зародилось новое чувство – страх. Я не могла не задаваться вопросом: все ли с ним в порядке? Не наделал ли он каких-то глупостей за эту ночь?

Валера был явно не в себе, когда убегал из дома. Подумалось вдруг, что он казался даже не менее потрясенным, чем я сама…

Отбросив телефон, я повернулась снова лицом к Мише и обнаружила, что он так и стоит на месте, вопросительно на меня глядя, словно ожидал какой-то команды или приказа…

– Садись же… – повторила я снова и он, после долгих колебаний, все же присел на стул. – Что бы ты хотел на завтрак?..

Он сразу помотал головой, ровно как и вчера, и я закусила губу, пытаясь понять, почему мальчик ничего не говорит. Но вряд ли мне стоило сейчас в это вникать. Да и в целом это была совсем не моя проблема.

– Тогда я приготовлю омлет, – сообщила ему, поворачиваясь к плите.

Этот день обещал быть самым сложным в моей жизни.

Глава 6

– Вот… кушай.

Я поставила перед Мишей тарелку с дымящимся омлетом, подложила туда сосиски и придвинула следом салат.

Все то время, что я готовила, мальчик сидел тихо, как мышонок. Не издавал ни звука, даже стул под ним ни разу не скрипнул. Было совершенно ясно: он боится мне помешать хоть единым звуком.

Но что было причиной такого поведения ребенка? Почему он умел то, что не умели обычно дети его возраста? Почему не говорил ни слова? И чего, в конце концов, так боялся?

В голове у меня безостановочно вертелись варианты того, как все это могло объясняться. И каждый следующий при этом был страшнее предыдущего.

Вопросов было так много, что от них готова была взорваться голова. А того, кто мог дать мне хоть какие-то ответы, не имелось. Он исчез.

Я бросила безнадежный взгляд на безмолвный телефон. Где был сейчас муж? Почему не отвечал на звонки? Откуда он забрал Мишу и что ему вообще было известно о жизни мальчика?

Я никак не могла представить, что ребенок был бы в таком состоянии, если бы Валера раньше знал о его существовании. Но до вчерашнего дня я много чего не могла представить о своем муже… например, того, что он так со мной поступит. Сначала – предаст, а потом – сбежит…

Отвлеченная этими мыслями, я не сразу заметила, что Миша не ест. Более того – уже не сидит, а стоит рядом со столом. Вывод напрашивался сам собой: ребенок попросту не привык к тому, чтобы есть как все нормальные люди.

В груди снова заболело. За что все это свалилось на меня сейчас? Когда сама была в долгожданном положении и так нуждалась в покое и поддержке… а вместо этого… словно в аду горела при жизни.

– Почему ты встал? – спросила я Мишу. – Кушать нужно сидя за столом…

Он не пошевелился. Только сглотнул жадно, словно борясь с голодом. И это вынудило меня – не задумываясь, как что-то само собой разумеющееся – податься к нему и взять за худенькие плечики.

Только теперь, вблизи и при свете дня, я заметила, что и одет Миша был довольно плохо. Тонкий свитерок, похоже, пережил не одну стирку или даже не одного хозяина. Штаны кое-где были неловко заштопаны, носки на ногах – двух разных цветов…

Я ощутила, как земля уходит из-под ног. Чем больше мне открывалось, тем сложнее становилось абстрагироваться от этого несчастного ребенка, особенно теперь, когда сама должна была стать матерью…

Я мягко, с предельной осторожностью направила Мишу обратно к стулу. После моего первого прикосновения он весь напрягся, но, убедившись, что я не сделаю ему ничего плохого, словно бы доверился…

Он позволил мне усадить его обратно за стол и вложить в руки, со следами ссадин на костяшках пальцев, вилку. Я поначалу направляла его движения, пока Миша наконец не понял сам, как нужно есть.

Он снова ел быстро. Но постепенно, успокоившись, стал стараться есть маленькими кусочками. А я смотрела на него и понимала – нужно срочно что-то предпринять. Но что?..

Муж так и не объявился. Свекровь жила в другом городе, да и отношения с ней у Валеры были такие, что за судьбу Миши становилось попросту страшно, попади он к ней в руки.

Но и позволить себе привязаться к мальчонке, я не могла тоже. И что делать, кроме как ждать возвращения того, кто был за него ответственен – не знала.

Когда Миша доел, я поняла, что его нужно было дальше чем-то занять. Аккуратно взяв мальчика за руку, отвела его в гостиную, заметив мимоходом, что он безупречно застелил за собой постель, и включила телевизор на каком-то детском канале.

– Посмотришь мультики? – спросила Мишу, обнаружив, что он глядит не на экран, а на меня. С молчаливым ожиданием и покорностью, словно я должна была приказать ему, что дальше делать.

Он перевел растерянный взгляд на экран, затем – снова на меня.

– Садись, – похлопала я по дивану. – Посмотри телевизор…

Он послушно присел на краешек, как и накануне. Но почему-то упорно не смотрел на плазму.

– Я сейчас вернусь, – пробормотала, ощущая, как на меня снова нападает отчаяние.

Выйдя на кухню, я в который уже раз набрала номер мужа. Телефон все еще был отключен.

Ощущая, как от нервного напряжения начинает потряхивать все тело, я набрала номер его помощника…

– Привет, Злат, – уже на втором гудке откликнулся Леша. – А я как раз хотел сам тебя набрать…

По груди у меня разлился арктический холод. Он пронесся по венам, превращая все тело в одну сплошную ледышку.

Что-то случилось! Я слышала это в обеспокоенном голосе Леши. Понимала по тому факту, что, похоже, на стройке муж сегодня тоже не появлялся. И это Валера! Тот, кто никогда не оставлял дело без своего личного присмотра…

– Злат? – позвал меня Алексей, видимо, почувствовав неладное по моему молчанию, которое прерывалось лишь нервно сбившимся дыханием. – У вас там все в порядке?

У вас! Он имел в виду меня и Валеру? Или… знал что-то о Мише? Может, как в самой дурной истории про обманутую жену, о похождениях Валеры знали уже все, кроме меня самой?..

– Зачем ты хотел… мне звонить? – с трудом разлепив пересохшие губы, кое-как выдавила из себя.

– Да я Валере дозвониться не могу… он что, заболел?

Я провела дрожащей рукой по глазам. Значит, муж и в самом деле не появлялся сегодня на объекте…

– Я вчера как от него смс получил… – говорил дальше Леша, – так удивился очень… обычно он даже полумертвый на работе, а тут такое…

– Что он тебе писал? – сумела спросить, не выдавая своего отчаянного ужаса.

– Что завтра, то есть сегодня, его не будет…

– Во сколько это было?

– Да, наверно, около полуночи… а в чем дело?

– Ни в чем… Спасибо, Леш. Мне нужно бежать.

Я быстро нажала на «отбой», боясь дальнейших расспросов со стороны помощника мужа. Но еще страшнее в этот момент были мои собственные мысли…

Около полуночи… в это время Валера уже сбежал из дома. А что было дальше? И где он находился теперь?

Воображение живо рисовало сценарии один жутче другого. Я даже залезла в сводку новостей, чтобы проверить – не было ли за ночь каких-то страшных происшествий…

На новости о мужчине, прыгнувшем с моста, сердце нервно дернулось, а с губ сорвалось полурыдание-полумольба. Но это был не мой муж…

После всего, что он сотворил, последнее, что мне стоило делать – это волноваться о нем. Но я не могла иначе. Шестнадцать лет жизни было не так просто вычеркнуть из разума и особенно – из сердца. И, конечно, мне было невыносимо даже представить, что я останусь вдруг совсем одна… беременная… и с чужим ребенком в довесок.

С трудом отогнав кошмарные видения и вернув себе подобие равновесия, я снова вошла в гостиную и обнаружила, что Миша по-прежнему не интересовался телевизором. Вместо этого он стоял у книжного шкафа и смотрел на полку, где

находилась моя коллекция сказок с иллюстрациями известных художников – последние годы я жадно скупала все понравившиеся издания, мечтая, как буду читать эти книги своим детям на ночь… и как они сами будут восторженно листать их позже, когда подрастут.

Я неторопливо приблизилась и вгляделась в лицо Миши. Он смотрел на эти книги, как на настоящее чудо, с такой затаенной жадностью, с какой не глядел даже на еду.

Я протянула руку и вытащила с полки одну из книг наугад. Это оказалась «Снежная Королева». Взгляд мальчика тут же метнулся к красочной обложке и он сглотнул – так же, как совсем недавно при виде омлета…

– Миша… ты умеешь читать?

Он неуверенно кивнул. Тогда я протянула ему книгу, ожидая реакции. Миша вздрогнул, словно боролся сам с собой в желании коснуться книжки, но тяга в итоге победила робость. Он аккуратно взял томик из моих рук и вопросительно на меня взглянул.

– Бери, – подбодрила я его.

Он прижал к себе книгу так, словно это было самое ценное, что имел в своей жизни. Устроившись прямо на полу, с трепетом раскрыл книжные страницы…

Незаметно для себя я как-то оказалась с ним рядом. И, словно со стороны, неожиданно услышала собственный голос:

– А хочешь… я тебе почитаю?

Он, не задумываясь, кивнул. Я присела поближе и склонилась над книгой вместе с ним…

Мы уже дочитывали сказку, когда из коридора послышался какой-то шум. Я резко обернулась к двери и, убедившись, что мне не померещилось, вскочила на ноги.

Выбежав в прихожую, осторожно прикрыла за собой дверь гостиной. Вряд ли Мише стоило быть свидетелем того, что должно было сейчас неминуемо произойти…

Входная дверь приоткрылась и за ней показался Валера…

Хотя этот человек напоминал собой моего мужа лишь отчасти. Помятый, всклокоченный, буквально почерневший за эту ночь…

Наши взгляды встретились. Этот миг словно вернул меня в реальность. Ту реальность, где одинокий мальчик был не моей заботой – а свидетельством измены мужа. Ту реальность, в которой человек, которого любила, подло сбежал ото всех расспросов и провел ночь черт знает где, вынудив меня гадать о том, жив ли он вообще…

И на это все у меня могла быть лишь одна реакция.

Я занесла руку для удара, едва он шагнул в дом. Но Валера меня опередил…

Рухнув передо мной на колени, порывисто, крепко обнял меня за ноги и я ощутила, как все его тело сотрясается…

– Злата… – непривычно охриплым голосом взмолился он, – золотая моя… прости…

Мой муж – самый, вероятно, стойкий человек из всех, кого я когда-либо знала, стоял передо мной на коленях и… рыдал?

И, к своему собственному ужасу, я почувствовала, как мое лицо тоже стремительно становится мокрым от слез.

Глава 7

Казалось, за всю нашу долгую совместную жизнь я ни разу еще не видела Валеру вот таким, как сейчас: беспомощным, уязвимым, потерянным. Напротив – он никогда и ни на что не жаловался. Стойко переносил все, с чем приходилось сталкиваться за эти годы – безденежье, преследовавшее нас поначалу, болезни, разочарования… И все это время он был моей стеной, моей опорой. Мы держались друг за друга, что бы с нами ни происходило, находя один в другом силу и смелость.

И от того сейчас такое сильное впечатление производил вид того, как он стоял передо мной на коленях. Словно титан, которому обрубили ноги. Его голова со взлохмаченными волосами упиралась мне в живот. Будто теперь я была его стеной и опорой, без которой он попросту рухнет и больше не встанет.

Мучительно хотелось протянуть руку, коснуться утешающим жестом знакомых каштановых волос, но я заставила себя не двигаться, хотя это было самым сложным, что мне доводилось делать в этой жизни.

Смахнув вместо этого порывистым движением слезы с собственных глаз, я проговорила про себя одну простую вещь. Стоит мне сейчас принять его и простить – и я окончательно потеряю его уважение, как, в общем-то, и свое собственное. Ни в коем случае нельзя было тянуть руки в спасительном жесте к тому, кто мне самой воткнул в спину раскаленный нож. Нельзя было допускать, чтобы муж считал нормой прийти домой с внебрачным ребенком и, ничего вообще не объяснив, просто сбежать!

Обида накатила на душу отрезвляющей волной. Я сделала решительный шаг назад, затем – еще один. Валера согнулся пополам, как надломленный стебель, лишенный последней подпорки, врезался ладонями в холодный кафель.

Это, наверно, был миг расплаты, миг моего торжества, но ничего подобного я сейчас не чувствовала.

– Ребенок в гостиной, – проговорила безжизненно. – Он накормлен, но если что – в холодильнике еще есть салат.

Муж вскинул голову, его лицо было наполнено пониманием того, к чему я веду и ужасом от того, что совсем этого не ожидал.

– Я ухожу, – озвучила очевидное, – а ты… займись им.

Я вернула мужу его же слова с кривой, переломанной улыбкой. На миг промелькнул в голове вопрос – что он станет делать с этим мальчиком, на кого его оставит? Но думать об этом была не должна. Иначе моя собственная доброта грозила меня уничтожить.

– Злата, постой!

Рука мужа в отчаянном жесте метнулась ко мне, пальцы вцепились в локоть. Он встал на ноги – покачиваясь, с трудом дыша, но в глазах горела решимость. Та решимость, которая когда-то меня покорила, а теперь… Теперь была совсем нежеланна.

– Дай мне объяснить все… пожалуйста, – прохрипел он.

Мой взгляд последовал за его пальцами, так отчаянно впивавшимися в мою руку, причиняя легкую боль. Но это было совсем ничто по сравнению с адом, разверзшимся внутри.

– Объяснять надо было, когда тебя просили, а теперь… я не хочу тебя видеть.

Это действительно было сложно. Так несказанно трудно: смотреть в знакомые, родные глаза, и пытаться выстроить между нами стену ради собственного спасения.

– Я знаю, – выдохнул он, растрепав рукой и без того взъерошенные волосы, – знаю. Я поступил, как последняя тварь. Я не имел права убегать, оставив на тебя сына, но…

Он покачал головой, словно и сам до конца не зная, чем оправдаться, как объяснить содеянное…

– Я не выдержал, – признался наконец с тяжелым вздохом. – Все это было шоком для меня тоже. Я не мог поверить, что такое случилось со мной… с нами… не мог осознать, что предал тебя. А ты задавала вопросы, просила ответы… а в том состоянии я и себе не мог толком ничего объяснить…

Этот разговор явно затягивался и затягивал в себя, как в пучину, меня саму – в эту ситуацию, в эти оправдания… и я понимала – мне предстояло сейчас решить, а хочу ли я вообще все это слушать? Или мне тоже требуется время, чтобы понять, а имеют ли вообще хоть какое-то значение его слова? Да и есть ли вообще такие слова, которые способны оправдать измену?

Я не могла их себе сейчас представить.

– Не вышло бы у нас тогда никакого нормального разговора, – горячо заговорил вновь Валера, словно чувствуя мои внутренние колебания. – Мы оба были в шоке, оба на срыве… что могло из этого выйти, кроме криков и поспешных безрассудных решений?

– А может, я уже все для себя решила? – вздернула я бровь. – Без тебя. Пока ты где-то там прохлаждался…

– Я был в отеле, – ответил он. – Пытался уложить все это в голове, а потом… попросту надрался…

– А знаешь, что делала в это время я? – вспылила я мгновенно. – Ухаживала за твоим ребенком и сходила с ума от беспокойства, задаваясь вопросом, а жив ли ты вообще!

Он вдруг улыбнулся – так странно, словно бы неохотно, будто бы и сам не ожидал, что сумеет растянуть потрескавшиеся губы в слабой улыбке, и, прислонившись к стене, устало прикрыл глаза.

– Знаю, что не должен был так поступать… но я знал, что только тебе могу доверить Мишу.

У меня были у нему миллионы вопросов. Но стоило ли их задавать? Стоило ли утопать в этом болоте, в которое оказалась без спроса втянута, еще глубже?

И все же я не выдержала. Коротко кинула:

– Где ты его взял?

Он вздохнул, помотал головой, словно отгонял от себя неприятные видения.

– Мать ребенка сказала, где его забрать. Я приехал туда… меня встретила старая женщина и передала мне Мишу.

– Кто его мать?

Он зажмурился, словно этот вопрос причинял ему боль.

– Это трудно объяснить…

– Но ты уж постарайся, – язвительно заметила в ответ. – Возможно, это твой единственный шанс.

– Я ее даже не знаю, – произнес он размеренно. – Точнее, почти не помню. Много лет назад я… проснулся в отеле, в котором жил, после вечеринки в честь завершения строительства очередного объекта. Мы тогда много пили… и я вообще не помнил, как добрался до номера, а утром… обнаружил, что в постели не один. Она уверяла тогда, что у нас ничего не было… а недавно позвонила и попросила увидеться. И вот вчера… я узнал о Мише.

Я потрясенно смотрела на него, пытаясь осознать все услышанное.

– Ты понимаешь, что это может быть… вообще не твой ребенок? – поинтересовалась сухо, сложив на груди руки. – Что его могли попросту на тебя скинуть…

– Понимаю. Но оставить его там я не мог. Та женщина и то, как выглядел Миша… ясно говорило о том, что с ним не очень хорошо обращались.

– А обо мне ты не подумал? – процедила с горечью. – Ведь мог же проверить все до того, как приводить его сюда! Мог поберечь мои нервы и сразу все нормально объяснить! Или я для тебя… кто? Прислуга, бесчувственный робот?.. Да ты хоть понимаешь, что я пережила за эти часы?! А это может быть даже не твой ребенок!!!

Подавшись к нему, я зло замолотила по крепкой груди кулаками, а он не стал мне мешать. Позволял выплеснуть все, что во мне бурлило, принимая, как заслуженную кару.

– Злата, прости… Ты, конечно, права. Но я… почему-то уверен, что Миша – мой сын. Сразу, как увидел его… словно на себя самого посмотрел, только маленького…

Я отшатнулась от него, перевела сбившееся дыхание… и коротко подытожила:

– Твой сын – твои проблемы. Занимайся теперь им, а я ухожу.

Он протянул было ко мне руку, но я увернулась, пройдя мимо. Не знала даже в этот момент, что хуже: то, что у моего мужа есть внебрачный сын или то, как он мне это преподнес – резко, жестоко, и при этом даже не имея четкого доказательства того, что это и впрямь его ребенок!

Я наскоро побросала в дорожную сумку несколько необходимых вещей и направилась было на выход, но тут мой кардиган за что-то зацепился…

Обернувшись, я увидела позади себя Мишу. Он сжимал в маленьком кулачке мой подол, взирая на меня с молчаливой мольбой… от которой разбивалось сердце.

Я присела перед ним на колени, мучительно борясь с подступающими слезами и чувствуя, что безнадежно проигрываю эту битву.

– Мне нужно уйти, – выдавила из себя с огромным трудом. – А пока меня не будет… ты можешь читать любые книжки, какие только захочешь. Ладно?

Он упрямо помотал головой, сжимая кулачок еще сильнее, еще отчаяннее. Я не знала, как вырвать из его рук свой кардиган… не знала, как отважиться лишить его той надежды, с какой он за меня цеплялся.

– Миша, пожалуйста, – взмолилась чуть слышно, – отпусти…

Удивительно, но он, кажется в этот момент понял, насколько я надломлена, насколько на грани. Пальцы его разжались и с моих губ сорвалось глухое

рыдание, когда я увидела, как на расправленную худенькую ладошку капнула слеза. Моя или его?..

Выносить дольше я это не могла. Вскочив на ноги, побежала ко входной двери, желая только одного – покинуть духоту этой квартиры и сделать хоть глоток свежего воздуха…

Сильные руки перехватили меня в прихожей, прижали к себе. Родной, любимый голос взмолился:

– Злата, пожалуйста… ругай меня, бей, делай, что хочешь… только не уходи…

Он рвал мне душу в клочья, превращая все тело в один огромный кусок боли. Я забилась в его руках, желая сейчас только одного – свободы…

И он отпустил. Разжал объятия, позволяя выпорхнуть из них, как из ставшей внезапно тесной клетки. Словно обезумевшая, я вылетела из дома, сама не зная, куда направляюсь и зачем…

Глава 8

– Мне так плохо… так плохо, Даш…

Собственный голос звучал глухо из-под ладоней, которыми прикрывала лицо. Будто была какая-то надобность таиться от человека, с которым дружила полжизни. Будто нажимом пальцев на усталые, воспаленные веки можно было остановить, вытеснить боль, которая пожирала, истощала всю мою душу.

– Не знаю, что и сказать, золотко… – пробормотала подруга и по тону ее я слышала, что она не менее растеряна сейчас, чем я сама.

Мы сидели с ней на кухне. На той самой кухне, дизайн которой для новой квартиры подруги я разрабатывала лично. И все в облике этого помещения было так похоже на саму Дашку: красивое, блестящее, яркое. Но вместе с тем… как сама хозяйка дома не желала никому принадлежать, так и эта кухня походила скорее на декорацию, чем на уютное, полное жизни помещение.

Я знала, что у Даши нет ни времени, ни желания готовить. Для этого в ее жизни всегда были другие люди, делавшие за деньги все необходимое.

Отняв руки от буквально пылавшего, раскрасневшегося лица, я посмотрела на чашку чая перед собой. Ароматный дымок, вьющийся над горячим напитком, приковал к себе мой взгляд. Я невольно улыбнулась – ради меня Дашка все же снизошла до заварки чая.

Она, похоже, ясно уловила мой взгляд, правильно угадала мысли.

– Ты голодная? – поинтересовалась заботливо. – Хочешь, закажем чего-нибудь?

Я отрицательно помотала головой.

– Ничего не хочу.

Вздохнув, я отодвинула от себя чай и беспомощно, почти жалобно призналась:

– Вот сижу сейчас здесь, с тобой… а мысли далеко-далеко. Все думаю: как там сейчас Миша? Как справляется с ним Валера? С кем оставит его завтра, когда пойдет на работу?..

– Ну, тебя это волновать не должно, – резко бросила подруга и голос ее был таким хлестким, что я удивленно подняла на Дашу глаза.

Она хмурилась. Вопреки тому, что сама всегда меня учила этого не делать – мол, будут преждевременные морщины…

– Не понимаю тебя, если честно, – пояснила она, постукивая ногтями по столу. – Тебя предали. Или, что еще хуже, на тебя наплевали, приведя в дом черт знает кого! Мы обе с тобой знаем, что Валера всегда всем старается помочь и я могу представить, что он этого мальчика где-то просто подобрал… но ведь он утверждает, что это его сын! Хочешь знать, что я думаю обо всем этом, Златка, если говорить откровенно?

Я закусила дрогнувшую губу. Сильно подозревала, что то, что сейчас озвучит подруга, вряд ли мне понравится. А ведь она наверняка подумала о том же, о чем и я…

– Говори, – откликнулась безжизненно, но пальцы сами собой нащупали чайную ложечку и впились в нее до боли.

– Я думаю, что он явно чего-то не договорил, – вынесла свой вердикт Дашка. – Ну не идиот же он, в самом деле – мчаться куда-то, чтобы забрать ребенка, по первому же звонку какой-то бабы, которую видел раз в жизни?

Внутри у меня тягуче, мучительно заныло. Неясные сомнения, одолевавшие разум с момента разговора с мужем, теперь, озвученные чужим голосом, словно приобретали четкую форму и вес.

– Я думала об этом, – обронила негромко, продолжая отчаянно сжимать несчастную ложечку.

– Тебе бы уже начать думать, как ноги унести подальше от всего этого дурдома и при этом не остаться с голой задницей при разводе, а не стенать о том, как они там, бедненькие, без тебя!

Дашка сопроводила свои слова неодобрительным фырканьем и я почувствовала себя какой-то странной, неправильной от того, что волнуюсь за этого несчастного, одинокого мальчика. Впрочем, мы с ней всегда были такими разными…

– Я знаю, что выгляжу, как круглая дура, – проговорила я, понимая при этом всю тщетность своих объяснений. – Но ведь ребенок ни в чем не виноват! Чей бы он ни был… Если бы ты только его видела…

Я оборвалась, сознавая – она все равно меня не поймет. Подруга жила не просто разумом – ее действия были всегда продиктованы расчетом. Возможно, мне следовало бы даже поучиться у нее здоровому цинизму, но себя не перекроишь и не исправишь…

Мысли снова обратились к мужу и Мише. Я твердо повторила про себя: я поступила правильно. Вот только почему чувство у меня при этом было такое, будто своим уходом наказала в первую очередь не Валеру, а себя саму?

Меня буквально разрывало надвое. Одна половина желала показать, что с ней нужно считаться. Вторая же отчаянно тянулась к недолюбленному, запущенному ребенку… и от воспоминания о том, как он пытался меня удержать, хотелось буквально выть.

– Останешься на ночь? – ворвался голос Даши в мои тяжелые, горькие мысли. – Буду отвлекать тебя своей болтовней от тяжких дум.

– Останусь, – просто ответила я. – А ты расскажешь мне, как твои дела. А то мы все обо мне…

Подняв глаза, я с удивлением заметила, что у подруги сделалось смущенное лицо. Она даже кокетливо отвела в сторону взгляд, что ясно давало понять: случилось что-то необычное.

– Так-так, – протянула я многозначительно. – Рассказывай.

– Я кое-кого встретила… – призналась она торопливо, поспешно, словно боялась передумать. – Неудобно было заводить об этом разговор, когда у тебя такое творится…

– Я буду только рада послушать, – с трудом натянула я на лицо улыбку. – Отвлекусь…

Подруга вдруг схватила меня за руки, крепко сжала…

– Он мне нравится. Очень. И я, наверно, скоро к нему уеду…

Она сказала так мало, но в этих нескольких фразах было столь многое… Я и вообразить себе никогда не могла, что Даша ради кого-то решит кардинально поменять свою жизнь…

– Оставайся со мной, – попросила она с внезапной горячностью. – Не только на сегодня. Поживем вместе, пока я не уеду…

– Как раньше? – спросила я со слабой улыбкой.

– Как раньше… – повторила, как эхо, Дашка.

Глава 9

Шестнадцать лет назад

– Вот и зачем ты постоянно забираешься так высоко?

Даша приземлилась на соседний стул и показательно-тяжко выдохнула, будто перла в гору тяжелый камень, как бедолага Сизиф, а не поднялась на каких-то несчастных пятнадцать ступенек вверх.

– Вероятно, затем, что это намек? – сухо ответила я вопросом на вопрос, отворачиваясь от нее, чтобы дать понять: компания мне не нужна.

– Какой намек? На то, что ты выше нас всех? – усмехнулась моя собеседница.

Это утверждение так меня удивило, что я автоматически повернулась обратно и уставилась на нее, приоткрыв рот. Неужели мое желание уединения воспринималось именно так? Как высокомерие и превозношение себя над другими?

– На то, что я просто хочу быть одна, – ответила уже мягче.

Ничуть не смущенная этими словами, Даша откинулась на спинку стула и невозмутимо принялась готовиться к лекции, доставая из сумки все необходимое.

Я с удивлением за ней наблюдала. Кажется, еще никто за всю мою жизнь не жаждал находиться рядом настолько сильно. Особенно после нескольких недвусмысленных посылов.

– А ты русских слов не понимаешь, да? – ощетинилась я, глядя на ее идеальный профиль.

– Очень даже понимаю, – спокойно ответила она. – Но знаешь, как говорят? Тот, кто громче всех кричит «уйди», больше всех нуждается в том, чтобы с ним рядом остались.

Эти слова вмиг меня обезоружили. Неужели она была права? Я добровольно отгородилась ото всех вокруг, но принесло ли мне это хоть что-то, кроме горечи одиночества?

– Как знаешь, – буркнула угрюмо себе под нос.

Она ничего не ответила, но спустя пару мгновений я почувствовала, как меня легонько толкнули в плечо.

– Не дуйся, одинокая волчица, – проговорила Даша насмешливо. – Я к тебе вообще-то по делу пришла.

Это было совсем уж удивительно. Какие у нас с ней могли быть общие дела? Я даже не понимала, почему она вообще ко мне пристала, ведь и без того купалась во внимании всех и вся. Так к чему ей было искать общества, как она выразилась, одинокой волчицы?

– И какому же? – спросила сдержанно, не показывая, насколько мне на самом деле любопытно.

– Я в субботу вечеринку устраиваю. Приходи. И парня твоего позовем.

Она лукаво подмигнула мне и стрельнула глазками в сторону соседнего ряда, где сидел Валера.

Мой взгляд тоже невольно туда устремился. Я внезапно почувствовала, что меня словно молнией насквозь прошило. Потому что он тоже на меня смотрел.

– Он не мой парень, – бросила резко, отводя от него глаза, хотя так хотелось задержать взгляд, ощутить снова то щекочущее возбуждение от его внимания…

– А он, по-моему, так не думает, – усмехнулась Даша. – Вон как смотрит на тебя… как на свою собственность.

Я прикусила губу, не зная, что сказать. Не понимая даже сама того, что между нами происходило. Со дня знакомства Валера больше не садился со мной рядом, не пытался заговорить… Но вместе с тем, он всегда был где-то поблизости, словно давал понять, что не забыл своего обещания – сделать меня своей. Он не навязывал мне свое общество, но я постоянно ловила на себе его взгляды, которые были красноречивее любых слов. Он оставался на расстоянии, но я перманентно чувствовала его присутствие где-то неподалеку. Он будто намеревался дать мне привыкнуть к себе; он меня словно бы… приручал.

Охотник, который хотел поймать дикую волчицу. И не просто поймать… он, похоже, ожидал, что я сама приду к нему в руки.

Эта мысль вызвала у меня раздражение. Даже злость. Захотелось сделать что-то… что-то… я и сама не знала, что именно. Но нечто такое, чтобы у этого наглеца поубавилось уверенности в том, что он может получить все, что хочет.

– Ну так что? – шепнула мне на ухо Дашка. – Придешь на вечеринку?

Я повернулась к ней, еще захваченная мстительными мыслями. Коротко поинтересовалась:

– И где она будет? В общаге?

Даша уставилась на меня с удивлением, а потом пренебрежительно фыркнула.

– В какой еще общаге? У меня дома!

– А родители?

– А у родителей свой дом, – рассмеялась она на мой наивный вопрос. – Я живу отдельно. Они мне квартиру снимают.

Я с тоской подумала о собственном доме. Точнее, о том, что у меня никогда его по-настоящему и не было.

– Я приду, – услышала вдруг собственный голос, а взор словно сам по себе вновь перескочил на соседний ряд.

Он все еще смотрел на меня. Твердым, немигающим взглядом, таким глубоким, что тот, казалось, проникал в самую душу.

Но именно этого я и не хотела ему позволять. Как, впрочем, и никому другому.

– Вот и отлично, – буквально пропела рядом Даша. – Мы славно повеселимся!

Глава 10

– Одни мы с тобой остались, Мишка…

Он произнес эти слова и даже не узнал собственного голоса. Не узнал сам себя. Из него словно выкачали разом всю жизнь, все краски, все чувства, оставив только пустую, голую оболочку.

Этому ощущению пустоты вторила и тишина, воцарившаяся в квартире. Гробовая, погребальная, траурная. Неужели это конец?..

Он яростно помотал головой, желая стряхнуть с себя это чувство обреченности, и тут же без сил уткнулся лицом в холодные, задеревеневшие ладони.

Столько лет вместе… столько всего, что их связывало: первые чувства, робкое доверие, нежелание быть друг без друга и дня. Он не мог даже припомнить, когда надолго разлучался с женой: зачастую они даже работали вместе над одним и тем же проектом. А в командировках, когда вынужден был уезжать в

другие города, он всегда безумно по ней скучал, ощущая себя без Златы как одинокое судно, потерявшее свои паруса.

Она вросла в него, проникла под самую кожу, текла по его венам. И, наверно, сама даже не понимала, сколь многое для него значила.

И вот теперь – ушла… И все вокруг отныне казалось ему осиротевшим, чуждым, бессмысленным. Он нуждался в ней сейчас, как никогда. Но именно в этот момент ее рядом и не было.

Как это все могло случиться с ними? Как она могла бросить его? Как он сам смел так с ней поступить?

Мучительно хотелось вернуть назад каждое жестокое, холодное слово, брошенное им в тот вечер. Затолкать обратно себе в глотку, усмирить эгоистичное отчаяние, победить растерянность…

Но он не сумел. Не нашелся, как солгать, когда она просила ответов. Не приспособился к новой реальности, в которой их теперь должно было стать трое…

Трое… Валера понял вдруг, что Миша так ему ничего и не ответил. И за все это время, что он сам сидел, глядя в одну точку – надломленный, уничтоженный, опустошенный – ребенок так и не издал ни единого звука.

Он поднял глаза на сына. Они потрясенно расширились, когда в ответ Миша подскочил резко со своего места, выбежал из комнаты…

А несколько мгновений спустя стоял перед ним, сжавшись в комочек, и протягивал… тапочки. И походил в этот момент на провинившегося щенка, готового к тому, что хозяин его отругает. Или даже… побьет.

Он вырвал тапочки из рук ребенка, отбросил их прочь, как нечто ядовитое. Почему Миша вел себя так? С чего взял, что Валера на него сердится?

– Ты не должен… так делать, – выдавил из себя хрипло. – Слышишь, Миш?

Ресницы ребенка дрогнули, глаза распахнулись, взглянули на него несмело, настороженно…

– Иди ко мне.

Валера похлопал по месту на диване рядом с собой, но ребенок не сделал в ответ ни движения. На душе заскребла тревога, непонимание происходящего подступило к горлу соленым комом.

В голове заворочались вопросы – болезненные, острые, ранящие – которые долго от себя отгонял. Но которые стоило прояснить еще тогда, когда приехал забирать Мишу…

Он многое мог понять – почему она не сказала раньше, почему скрывала правду, почему призналась именно теперь… Многое, но не то, почему Миша был вот таким: на первый взгляд, хорошо воспитанным ребенком, но стоило лишь приглядеться, и оказывалось, что за воспитанностью таится дикий, ненормальный страх.

Успела ли понять это Злата? Задавалась ли теми же вопросами, что и он?

– Не бойся меня, – почти моляще проговорил Валера. – Садись… Хочешь чего-нибудь?

Миша посмотрел на него с сомнением, будто не решаясь ни отстраниться, ни приблизиться. В конечном итоге лишь отрицательно помотал головой и отступил. Бережно подобрав с пола книгу, которую они со Златой читали, прижал к себе, словно та могла хранить тепло своей обладательницы, аккуратно присел на краешек дивана и вновь затих.

Валера понимал его, как никто. Ему самому отчаянно хотелось почувствовать вновь присутствие жены рядом. И хотя все вокруг, каждая деталь дома, напоминала о ней, без ее голоса, ее смеха, ее запаха, все это казалось безжизненным и тусклым.

Он обвел взглядом гостиную, остановился на висевших на стене резных деревянных часах: Злата купила их в Австрии. Его взор проследовал по книжным

полкам, и на каждом корешке сердце жалобно, нервно екало. В конце концов он уперся взглядом в старое фото – немного выцветшее, слегка потрепанное, но такое дорогое для них обоих.

Та самая вечеринка. Тот день, когда между ними рухнули старательно возводимые ею стены. Тот миг, когда он сам стал ее стеной.

И вот теперь вдруг подвел свою жену – глупо, нелепо, непонятно. Не оправдал ее доверия. Разрушил все то, во что они оба годами верили.

Он до боли, до рези вглядывался в старое фото, ища там ответа на бесконечно мучивший его вопрос…

А правильно ли он поступил?..

Глава 11

Шестнадцать лет назад

– Да ты с нее прямо глаз не сводишь.

Даша с фамильярной непринужденностью оперлась на его плечо. Он кинул на нее взгляд искоса – глаза лукаво прищурены, на губах играет легкая улыбка, но в глубине глаз пряталось что-то еще. Загадочное, задумчивое, хищное.

Она, конечно, была красива. Как фарфоровая куколка, которой невозможно не любоваться, но дальше этого просто не заходило – никаких иных желаний она совершенно не вызывала. Во всяком случае, в нем.

Он аккуратно убрал от себя ее руки, спокойно заметил:

– Разве это новость для тебя? Ты ведь этим и заманила меня сюда. Пообещала, что Злата здесь будет.

Он кинул взгляд в толпу танцующих или, лучше было бы сказать – беснующихся, гостей. Злата весь вечер демонстративно его не замечала и, кажется, вознамерилась переобщаться со всеми вокруг, кроме него. И это было настолько на нее не похоже, что он довольно скоро понял: весь этот спектакль предназначался именно ему. Что ж, он смотрел его, как самый преданный зритель, позволяя ей играть, как угодно, и не вмешиваясь в представление. Пока что.

– Но здесь ведь не только Злата есть, – промурлыкала рядом Даша. Ее пальцы с намеком проскользили по его руке. – Я надеялась, ты присмотришься… Тем более, что твоя волчица так занята, что ей совсем не до тебя.

Он усмехнулся самым краешком губ.

– Зря стараешься. Я уже выбрал.

– Фу, какой ты серьезный, – с досадой вздохнула Даша. – Ну и сиди тут один.

Он ничего не ответил. Она еще некоторое время постояла рядом, но, поняв, что он не намерен как-либо реагировать, фыркнула и отошла в сторону. Он же продолжил следить глазами за Златой. И не зря.

Брови сами собой сошлись на переносице, когда он заметил, что ее очередной кавалер позволил себе слишком многое. Одного взгляда на Злату было достаточно, чтобы понять: ей это неприятно. Дольше медлить он не стал – растолкав всех, подошел к ним и в тот момент, когда этот хам собирался схватить Злату, намеревавшуюся уйти, за руку, вклинился между ними и одним мощным толчком отбросил парня прочь.

Тот явно был пьян. Едва устояв на ногах, он, тем не менее, сумел выпрямиться и снова подскочил к нему.

– Эй, ты чо творишь? Тебе тут что, больше всех надо?

– Шел бы ты лучше, – бесстрастно откликнулся Валера.

– Ты кто такой, а? Кто такой, чтобы мне диктовать?

Он даже не задумался, перед тем, как ответить:

– Я – ее парень.

Краем глаза Валера уловил, каким удивленным сделалось лицо Златы после этого заявления. Но она ничего не сказала, не попыталась как-либо возразить. Вот и прекрасно.

Тип же только гоготнул в ответ и попытался набросился на него, как бык. Но маневр вышел неловким и нелепым: Валера быстро скрутил ему руки за спиной.

– Пустиии, – взвыл тот от боли.

Он охотно выполнил его просьбу: отдернул с презрением руки, позволил мерзавцу свалиться прямиком к его ногам. После чего подхватил Злату под локоть и увел подальше от всех. На балкон.

Сентябрьская ночь выдалась прохладной, но температура была вполне комфортной для нахождения на улице без верхней одежды. Пахло прелой листвой, влажной землей и какими-то цветами. Такое знакомое сочетание… что его даже внутренне передернуло.

– Ты в порядке? – перевел он внимание на безмолвно застывшую рядом Злату.

– Да.

Она немного подумала, потом, поджав неодобрительно губы, добавила:

– Спасибо за помощь. Но не стоило говорить, что ты…

– Я озвучил лишь то, что и так всем скоро станет очевидно.

– Как самоуверенно.

Он лишь хмыкнул в ответ, потом развернулся к ней всем телом, оперевшись на перила спиной.

– Расскажешь?

Она взглянула на него с удивлением:

– О чем?

– О своем демонстративном одиночестве.

Ее губы снова поджались, образуя тонкую линию. Ему захотелось провести по ним пальцем, заставить разжаться, чувственно раскрыться навстречу его ласке…

– Почему вам вечно надо лезть ко мне в душу? – наконец выдохнула она, но в ее голосе не было ни досады, ни злости. Лишь какая-то обреченная усталость.

– Кому это – нам?

– Тебе… Даше… Сговорились вы, что ли?

Он лениво выгнул бровь, затем невозмутимо заметил:

– Ну, я считаю, что имею право знать такие вещи о своей… девушке.

Она лишь сокрушенно покачала головой, словно удивляясь его упрямству. Облокотившись на перила, взглянула куда-то вниз, застыла с отрешенным выражением на лице…

Он скопировал ее позу, придвинулся ближе и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/born_ameliya/nas-budet-troe

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить